

ОТ ИСХОДА ЭТОЙ СХВАТКИ
ЗАВИСИТ СУДЬБА ДВУХ ДЕРЖАВ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ЯДЕРНАЯ ТЕНЬ

Спецназ КГБ

Александр Тамоников

Ядерная тень

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Ядерная тень / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2023 — (Спецназ КГБ)

ISBN 978-5-04-199398-6

Роман о напряженной работе специалистов уникального подразделения КГБ. От мозгового штурма при подготовке секретной операции до реальной схватки с коварным противником в любой точке земного шара – путь, который по силам только мужественным и преданным своему делу профессионалам. 1972 год. СССР и США готовятся подписать договор об ограничении стратегических вооружений. Для этого в Москву с официальным визитом прибывает президент Никсон. Однако, не все в мире одобряют сближение двух держав. Советские спецслужбы получают сигнал, что накануне встречи американской стороне будет тайно передана пленка со сфабрикованной записью разговора в советских «верхах» о якобы продолжении Советским Союзом односторонних испытаний ядерного оружия. После этого запланированная встреча первых лиц теряет смысл. Группе спецназа «Дон» Вячеслава Богданова поручено предотвратить провокацию. Оперативники вычисляют одного из исполнителей. Но тот трагически погибает, успев сообщить неизвестные детали, которые в корне меняют первоначальный план спецназовцев... «Романы А. Тамоникова – о настоящих мужчинах, для которых понятия доблести, чести и долга – не пустой звук». – В. Колычев

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199398-6

© Тамоников А. А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Александрович Тамоников

Ядерная тень

© Тамоников А.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Москва, Кремль, 22 мая, 1972 год

Предпраздничная кремлевская суматоха сведет с ума любого, кто столкнулся с ней впервые. Сотни людей бегают, торопятся, хлопают дверьми, носят, грузят, расставляют всевозможные атрибуты в определенном порядке и в специально отведенных местах, и все это одновременно. Персоналу, обслуживающему кремлевские помещения, лучше не попадаться на пути: сойдут и не заметят. У них важная миссия, так считают работники из вспомогательного персонала, нанятые для работы в Кремле, не менее важная, чем у помощника генерального секретаря ЦК, так как всем известно, что встречают-то по одежке. А чем для всех высокопоставленных гостей является внешний вид кремлевских апартаментов, если не «одежкой», визитной карточкой Советского Союза?

Но в этот день нервный накал поднялся до небывалой отметки по сравнению с любым другим днем, в который служилому люду приходилось готовить апартаменты высоким гостям ранее. И это было неудивительно, ведь гость, которого ожидали в Кремле, занимал самый высокий пост, которого мог добиться простой смертный. Визит президента США Ричарда Никсона казался почти мистическим по своей сути. Главы двух сверхдержав, долгие годы находившиеся в состоянии «холодной» войны, сегодня встретятся не на нейтральной земле, а в Москве, в Кремле, в самом «сердце непримиримого врага», который вдруг стал почти другом. Возможно ли такое? Реально ли? В кругу obsługi в таких случаях говорили, «жизнь покажет», а до того усердно выполняли свою работу: расставляли мебель, застилали постели, убирали пыль с картин и статуэток и проводили еще целую кучу мелких, но нужных операций.

– Эй, Агнесса, ты полироль принесла? В апартаментах у Оружейной ждут.

– Час назад отдала, за своей работой следи, Оксана.

– Товарищ Семенов меня назначил старшей по подготовке апартаментов для господина президента и его помощников, так что не огрызайся, Агнесса.

– Ох, какие мы важные! Не за мной смотри, Оксана, а за финтифлюшками новенькими. – Агнесса брезгливо скривила нос. – Они два часа назад ушли в восточное крыло застилать постели. Думаешь, там поставили сорок кроватей для четырех помощников президента?

– Во-первых, их не четыре, а больше десяти, – поправила Оксана. – А во-вторых, восточное крыло временно закрыли. Начальник охраны отдал распоряжение без его ведома в апартаменты не входить, даже коридор не пересекать.

Последние слова Оксана произнесла почти шепотом, подойдя вплотную к Агнессе. Было видно, что ей до смерти охота посплетничать, пусть и с заносчивой Агнессой, раз других слушателей нет. Агнесса уловила настроение товарки и тут же забыла про свои претензии, так как посплетничать про секреты и интриги внутри «двора» и она была не прочь. Понизив голос до шепота, Агнесса приступила к расспросам:

– Закрыли крыло? С чего бы это? У нас и так времени в обрез, чтобы в порядок все привести, а они еще наше время воруют?

– Точно из-за чего, не знаю, но что-то там случилось по части охраны, – зашептала Оксана. – То ли проверку кто-то из допущенных к уборке помещений, которые готовят для американской делегации, не прошел, то ли сами охранники напортачили.

– Проверку не прошел? Это вряд ли. Сама знаешь, на нашу работу людей с улицы не берут. Сто тысяч раз проверят, рекомендации соберут, досье составят и только потом выдадут

пропуск в Кремль, да и то разовый. Чтобы постоянный пропуск получить, мне пять лет здесь отбатрачить пришлось.

– Я все это знаю не хуже тебя, Агнесса, только факт остается фактом. Когда я девушек туда привела, заместитель начальника охраны стоял в дверях и лично охранял вход в восточное крыло!

– Лично? Ах, батюшки! Неужто бомбу в Кремле обнаружили? – Агнесса побледнела и едва устояла на ногах.

– Нет, конечно! Какая бомба в «святая святых»? Кто ее сюда рискнет протащить? – Оксана поспешила успокоить мнительную товарку. – И потом, как бы охрана ни старалась, про бомбу тут же слух по Кремлю пошел бы. Нашим людям рот не заткнешь, особенно когда это их жизни касается.

– Тогда что там стряслось?

– Не знаю. Я попыталась выяснить, но заместитель начальника охраны лишь сказал, что помещения временно закрыты для входа и нам придется подождать особого распоряжения. Сказал, для дополнительной проверки.

– Дополнительной проверки помещения или людей?

– Да не знаю я, Агнесса, – вспыхнула Оксана. – Ты вместо того, чтобы один и тот же вопрос сотни раз повторять, сходи к Никанору Степанычу, может, он чего знает?

Никанор Степаныч, мужчина пятидесяти пяти лет, служил в Кремле штатным электриком уже четвертый десяток, и порой от него можно было узнать маленькие секреты про кулуарную жизнь «важных людей». К тому же Никанор Степаныч неровно дышал к Агнессе, но, будучи человеком семейным, свято чтущим узы брака, не переходил границу дозволенного. Агнесса же слабостью Никанора Степаныча беззастенчиво пользовалась, несмотря на то что периодически давала ему от ворот поворот.

– К Степа-а-анычу-у-у, – растягивая гласные, пропела Агнесса. – А картины за меня кто тереть будет? Он ведь быстрее чем за час не расколется, ты же его знаешь.

– Девоч поставлю, – пообещала Оксана. – Они все равно без дела сидят.

– Ладно, пойду. Может, что и узнаю.

Агнесса бросила тряпку на пол, демонстративно ее перешагнула и «поплыла» в сторону коридора. Не успела она дойти до лестницы, как путь ей преградил молодой охранник.

– Куда направляемся? – фамильярно улыбаясь симпатичной фигуристой женщине, спросил охранник.

– Твое какое дело, сопляк? – огрызнулась Агнесса. – У меня пропуск на все крыло до трех часов дня.

Агнесса ткнула пальцем в карточку-пропуск, висевший на незатейливой веревочке в центре груди. На пропуск охранник не взглянул, а вот «фону» для пропуска уделил внимания больше, чем положено. Заметив, куда направлен взгляд охранника, Агнесса фыркнула.

– Что, красивой груди давно не видел? Тебя из Кремля-то хоть на выходные выпускают, или ты здесь безвылазно торчишь?

– Разговорчики. – Откровенность бесстыжей Агнессы смутила охранника. – И пропуск свой мне можешь под нос не совать. Сегодня все пропуска аннулированы до особого распоряжения начальника охраны.

– Ого! Это как так аннулированы? А как, по-твоему, мне работать? Или вы там в своей охране думаете, что пыль сама со шкафов исчезает и паркет блестит от природы, а не потому, что мы его дважды в неделю мастикой натираем?

– Про это спросите начальника охраны. – Парень был рад, что «тема груди» ушла на второй план. – Он распорядился никого из помещений не выпускать, никого не впускать. Я его распоряжению и следую.

– Да что случилось-то? Сколько лет в Кремле работаю, в такую ситуацию попадаю впервые. – Агнесса озабоченно покачала головой. – Какие-то неприятности? Нарушение протокола?

– Мне с вами эту тему обсуждать не положено, – заявил охранник. – Возвращайтесь в галерею и оставайтесь там до особого распоряжения.

– Конечно, вернусь. Я ведь понимаю: правила есть правила. Если каждый будет их нарушать, то и писать их будет незачем. – Агнесса решила сменить тактику. – И вам жизнь осложнять я не собираюсь. Ведь вам, наверное, влетит, если я на другой этаж уйду, верно?

– Не влетит, потому что вы никуда не уйдете.

Охранник улыбнулся собственной шутке, и Агнесса тут же эту шутку поддержала.

– Не влетит! Не уйду! Ох, и шутник вы, молодой человек. Прямо обхохочешься с вами.

Агнесса тронула парня за плечо, качнула грудями и как бы ненароком задела грудью плечо охранника. Тот вспыхнул, смутился и слегка отодвинулся от женщины. А та, будто не заметив его смущения, продолжала болтать:

– У нас в команде одни женщины работают, а у них совсем другие шутки, – заливалась она соловьем. – Да и не шутки вовсе, а все больше сплетни. Сядут кумушки рядком и давай болтать что попало. Вот сейчас обсуждают, что в восточном крыле приключилось, почему оттуда всех выгнали и входить не велели. Девки говорят, что диверсанта с бомбой поймали, теперь ее обезвреживают.

– Что за ерунда! Никакой бомбы нет, пусть не болтают, что не следует, а то доложу начальнику охраны, – преисполнившись важности, заявил охранник.

– Вот и я им о том говорю: не мелите языком, что не следует. Наверняка там ничего критичного. Может, утечка газа или электричество пропадает.

– Электричество? Вот вы сказали. – Охранник едва сдержал смех. – Такого, гражданка, вообще не бывает.

– Прости, милоч, я ведь институтов не оканчивала, вашу физику-химию не изучала. Куда мне разобраться. – Теперь Агнесса решила изобразить дурочку-простушку. – По мне, так вполне правдоподобная версия. Случилась поломка электросети, помещение опечатали, чтобы никто ненароком туда пальцами не влез и не очутился в день приезда президента США. Сейчас все починят и пустят нас. Так я своим подругам и скажу: охранник сказал, что произошла поломка электросети.

– Электричество тут ни при чем, не было никакой поломки, – забеспокоился охранник. – И вы своим подругам про меня ничего подобного не говорите.

– Да что я такого сказала? Поломка всегда может случиться, – настаивала на своем Агнесса.

– Не может! А не пускают вас в крыло, потому что один из сотрудников вспомогательного персонала нарушил протокол и пронес в помещение запрещенный предмет. Теперь начальство с ним разбирается, ну и сообщников ищет. На это время нужно, так что вам придется подождать.

– Запрещенный предмет? – ахнула Агнесса, и на этот раз ее страх оказался неподдельным. – Так, значит, все-таки бомба?

Агнесса округлила глаза, дыхание ее сбилось, заставив грудь вздыматься сильнее обычного. Взгляд охранника буквально прирос к ее пышной груди.

– Никакая не бомба. Пленка с записью, для окружающих никакой угрозы не представляющая. – Охранник напрочь забыл об осторожности.

– Пленка? И только-то? Стоило ради этого такой шум поднимать? – разочарованно произнесла Агнесса и вздохнула так глубоко, что ее грудь поднялась чуть ли не до подбородка.

– Так на пленке, говорят, записи, компрометирующие советское руководство, – не отрывая взгляда от груди женщины, произнес охранник. – И мужик тот, который пленку в восточное крыло пронес, помер прямо на месте.

– О, ужас! Помер на месте? Да как же так?

– Может, сердце от страха остановилось, а может, и яд сглотнул.

Произнеся последнюю фразу, охранник замер с открытым ртом. До него дошло, что он выложил секретную информацию постороннему человеку, но Агнессе уже было не до секретной информации, ее интересовал лишь один вопрос: кто умер.

– А имя его не Никанор Степаныч, случайно? – с замиранием сердца спросила Агнесса.

– Вам это знать не положено, гражданка. – Охранник решил сворачивать разговор. – Возвращайтесь к себе и спокойно делайте свою работу. А о нашем разговоре – никому. Иначе...

– Ну, скажи, милоч, не Никанор Степаныч? – В глазах Агнессы появились слезы.

– Вы что, гражданочка, плакать тут собрались? – вконец растерялся охранник. – Нет уж, увольте! Возвращайтесь к себе. Ваш Никанор Степаныч никакого отношения к этому делу не имеет.

– Правда? Вы это не для моего утешения говорите?

– Правда, правда. Живой ваш Никанор Степаныч. На втором этаже в актовом зале лампочки меняет. Я сам его туда отправил, – заявил охранник. – А теперь возвращайтесь на место.

– Спасибо, милоч! Спасибо! – Расчувствовавшись, Агнесса бросилась парню на шею, трижды облобызала в губы и щеки, развернулась и побежала обратно в галерею, в которой ее ждала Оксана.

* * *

– Что за спешка, кто-нибудь знает? Меня командир из бани выдернул, я в буквальном смысле в мыле прискакал. Хорошо, хоть одеться успел.

Старший лейтенант Николай Дорохин поправил встрепанные волосы, его прическа явно нуждалась в расческе, но членам спецподразделения «Дон» из специального отдела Управления нелегальной разведки нередко приходилось выезжать на сборы и не в таком виде, так что на шевелюру Дорохина никто особого внимания не обращал.

– Согласен с Колей, на этот раз вызов оказался внезапным. Нас только вчера на отдых пустили, еще пыль дорожная с сапог не слетела, а уже снова под ружье, – недовольно сказал прапорщик Юрий Казанец, потирая ушибленное в спешке колено. – Колись, Саша, кто на этот раз нуждается в нашей помощи?

– Не знаю, Юра, я с родителями на даче был, когда общий сбор объявили, командира еще не видел, так что у меня ответ не требуйте, – ответил майор Александр Дубко.

– Ты же заместитель командира, должен быть в курсе, – проворчал Казанец.

– Должен бы был, так был бы. – Дубко вызовом был раздосадован не меньше остальных, потому что умиротворять прапорщика не собирался. – У тебя хоть сколько-то терпения есть, Казанец? Или ты в спецподразделение по блату попал, потому что думал, что здесь романтика и большие деньги?

– Это я-то по блату в «Дон» попал? Наверное, поэтому все в прапорщиках хожу, а не майорские погоны ношу и должность зама занимаю. – Казанец встал в боевую стойку. – Если кто у нас и строит карьеру, отдавая приказы и пользуясь чужими заслугами, то точно не я!

– Ты на что намекаешь, прапор? Совсем нюх потерял? Или вас в школе прапорщиков субординации не учили? Не успели курс прочитать, слишком заняты были тем, как со складов побольше стырить? – завелся и майор Дубко.

– Стоп, ребята, не хватало нам еще перед воротами Комитета государственной безопасности драку затеять. – Дорохин встал между товарищами. – Лучшего занятия, чем собачиться,

не нашли? Давайте лучше подумаем, зачем нас в полном составе в Управление вызвали? Всегда перед заданием командира вызывают, озвучивают перед ним задачу и к нам отправляют, а сегодня всех к полковнику Старцеву отправили. С чего бы это?

– Для пущей важности, вот для чего. – Казанец переключил внимание на старшего лейтенанта, ссориться с Дубко он не хотел и тем более не планировал ему грубить, поэтому чувствовал себя немного виноватым и был рад сменить направление разговора. – Решили, что таким образом подсластят пилюлю. Месяц нас держали на операции, обещали две недели отдыха, а дали каких-то двенадцать часов, вот и думают, что прием у высоких чинов в кабинете поднимет наш боевой дух.

– А я думаю, что дело имеет особый гриф секретности, и за сохранение тайны каждый должен расписаться лично, – высказал свое предположение Дорохин. – Я слышал, у контрразведчиков так принято: перед каждым новым заданием свою подпись на бумагах о неразглашении ставить.

– Так то контрразведка, а мы – нелегалы, на что нам их правила?

– Долго правила поменять?

– Все равно странно, – вступил в разговор майор Дубко. – То, что звонил помощник полковника Старцева, еще понятно. Лейтенант Орлов и раньше нас на задание вызывал, хотя мне, как правило, сам Богданов звонит. Но чтобы из-за подписи всех в Управление? Привез бы командир бумаги на базу, там и подписали бы. И тему встречи Орлов не просто не озвучил, не заявил, как всегда, что «не уполномочен», а честно признался, что понятия не имеет, о чем идет речь. Это Орлов-то, у которого шесть пар ушей и столько же глаз? Я вот думаю: не к китайцам ли нас собираются закинуть? С ними всегда такая секретность.

– А что у нас с китайцами? Мне казалось, после Даманского в этом направлении все более-менее тихо.

Конфликт, о котором вел речь прапорщик Казанец, тянулся с начала шестидесятых годов и затрагивал советско-китайскую границу, пролегающую по реке Уссури, и остров Даманский в частности. Положение о границах между государствами, принятое на Парижской мирной конференции тысяча девятьсот девятнадцатого года, гласило, что границы между государствами должны проходить через центр главного фарватера реки, предусматривая исключения вроде проведения границы по одному из берегов, когда подобная граница сложилась исторически.

Однако это не помешало китайской стороне в конце 50-х годов вступить в конфликт с Тайванем, затеять пограничную войну с Индией и использовать новые положения о границах как повод к пересмотру советско-китайской границы. Тот факт, что международные договоры и соглашения не имеют обратной силы, китайцев не слишком напрягал. Китайцы решили, что по новым правилам остров Даманский лежит на китайской стороне, и всячески это демонстрировали.

По большому счету советская сторона была не против отдать Даманский китайцам: экономических интересов именно для СССР остров не представлял, инфраструктуры не имел, впрочем, как и населения, которое проживало бы на острове круглый год. В 1964 году между китайской и русской сторонами активно шли переговоры по этому вопросу, но китайцы вдруг резко изменили тактику. Они объявили, что СССР встал на путь «социалистического империализма», осквернив память марксизма-ленинизма и отказавшись от социалистических идеологий, и прекратили всяческие переговоры относительно границ у острова Даманский. Как оказалось, не навсегда.

Серьезный инцидент произошел в марте 1969 года в районе острова Даманский на реке Уссури, всего в двухстах тридцати километрах от Хабаровска. На заставу Нижне-Михайловка поступил с поста наблюдения сигнал: в направлении острова Даманский движется группа людей в камуфляжной форме численностью до тридцати человек, вооруженных автоматами Калашникова и карабинами «СКС». На место событий тут же выехала группа советских погра-

ничников, в том числе начальник погранзаставы Нижне-Михайловка Иван Стрельников. Наглое вторжение вооруженных солдат на территорию Советского Союза не могло остаться без наказанным, и китайские солдаты получили отпор, которого никак не ожидали. Конфликт повторился спустя две недели, но победы китайцам снова не принес: советские войска заставили китайцев оставить остров. Позже, в сентябре того же года, в Пекине состоялась встреча председателя Совета министров СССР Алексея Косыгина и премьера Государственного совета КНР Чжоу Эньлая, где главы государств договорились о прекращении враждебных акций. С тех пор Китай никак не проявлял агрессии против СССР.

– Вчера тихо, завтра громко. Что толку гадать? Вон командир идет, у него и спросим. – Дорохин качнул головой в сторону пропускного пункта, к воротам которого приближался подполковник Богданов.

Завидев командира, бойцы подтянулись, прекратили разговоры, переключив все свое внимание на Богданова. Тот прошел пропускной пункт и ускорил шаг. Подойдя к бойцам спецподразделения, по очереди пожал каждому руку. Затем спросил:

– Все готовы?

– Готовы к чему? – за всех задал вопрос майор Дубко.

– К встрече на высшем уровне, – чуть усмехнувшись, ответил Богданов. – Нас сегодня не кто-нибудь, а сам товарищ Андропов принимает.

– Андропов? С чего это вдруг? Или нас всем составом решили звания Героя Советского Союза удостоить?

– Если бы! Очередное задание, только и всего.

– Тогда зачем нам встречаться с председателем КГБ?

– Потому что он так хочет. Старцев сказал, что для выполнения новой операции нас выбрал лично Андропов. Наверное, поэтому и в курс дела вводить сам будет.

– Сам Андропов?

– Юра, что ты заладил: «Андропов, Андропов...» Он, если тебе неизвестно, всего-навсего человек. Да, наделенный определенной властью, но живой человек из плоти и крови, и ничего сверхъестественного в нем нет. – Богданов бросил взгляд на циферблат наручных часов. – Все, парни, времени не осталось, берите сумки и за мной.

– погоди, командир, ты про дело не сказал, – напомнил майор Дубко.

– А я и сам еще ничего не знаю, – выдал Богданов. – Старцев молчит, а больше спросить не у кого, так что сегодня мы на равных. Узнаем, когда придем.

Поняв, что вопросы задавать бесполезно, бойцы взяли дорожные сумки и последовали за командиром. На контрольно-пропускном пункте у каждого потребовали документы, тщательно записали данные в специальный журнал, а вот сумки с собой взять не разрешили, несмотря на то что каждую тщательно осмотрели. Дежурный на КПП приказал оставить их в специально отведенной комнате, пообещав вернуть на выходе. После проверки следом за командиром все вошли в здание Главного Управления КГБ при СМ СССР.

– Смотри в оба, Юрок, ты ведь здесь впервые, – подначивал молодого прапорщика майор Дубко. – Потом будешь барышням рассказывать, какая внутри лепнина и какие лестницы. Про атмосферу гнетущую не забудь, все-таки Лубянка – это не курорт.

– К вашему сведению, товарищ майор, я здесь уже трижды был, – огородил всех Казанец.

– Это как тебя угораздило? – Сам Богданов удивился откровениям прапорщика. – Неужто забирали?

– Разумеется, нет. – Казанец к своему заявлению отнесся серьезно. – Два раза меня приглашали, когда я еще в органах не служил. А третий раз полковник Старцев приглашал, прежде чем в группу «Дон» меня принимать.

– Что значит «приглашали»? На свидание, что ли? – не унимался Дубко. – Вот ведь работаешь с человеком бок о бок и таких вещей о нем не знаешь.

– Не на свидание, а для беседы. – Казанец колкость майора пропустил мимо ушей. – Я в ДОСААФ на юниорском лучшие результаты показывал, вот моей персоной и заинтересовались. Беседы вели о том, как люди вроде меня могут послужить Родине.

– А ты что?

– Оба раза отказался. Тогда я еще не думал о работе в органах. Хотел тренером стать.

– Тренером? – искренне удивился Богданов.

– Ну да, мальчишек тренировать, чтобы по улицам без дела не шатались.

– Благородная цель, – без тени улыбки произнес майор Дубко. – Но я все равно рад, что ты, Юра, передумал. В «Доне» ты больше пользы для тех же мальчишек принесешь.

– Это чем же? – удивился Казанец. – Мальчишкам теперь от меня пользы никакой.

– Тем, мой юный неопытный друг, что своей работой ты войны и конфликты предотвращаешь, чтобы эти самые мальчишки могли в футбол во дворе гонять, а не в окопах в грязи валяться и вшей кормить.

– Разговоры в сторону, – обернувшись к бойцам, негромко проговорил Богданов. – Подходим. Казанец, про субординацию не забудь!

– Что сразу Казанец? – начал прапорщик, но увидев, что дверь в кабинет открылась и на пороге появился полковник Старцев, прикусил язык.

– Здравия желаю, товарищи бойцы, – первым поздоровался полковник.

– Здравия желаем, товарищ полковник, – хором отрапортовали спецназовцы.

– Как настроение? Боевое? – Произнеся фразу, Старцев усмехнулся. – Знаю, мы обещали вам законный заслуженный отдых, но у врагов Советского государства выходных не бывает, так что не обессудьте, бойцы. Придется еще немного послужить на благо Родины, прежде чем идти отдыхать.

На патристическую тираду никто из бойцов отвечать не стал. Старцев с полминуты молчал, затем посторонился и жестом пригласил бойцов в кабинет. Спецназовцы вошли и начали озираться по сторонам, ожидая увидеть делегацию из вышестоящих начальников, но кабинет оказался пуст. Тогда они начали в недоумении переглядываться, и в конце концов все взгляды сошлись на Богданове. Тот незаметно пожал плечами, как бы говоря: сам не понимаю, что происходит. Перехватив взгляды бойцов, полковник Старцев снова усмехнулся и произнес:

– Товарища председателя Комитета госбезопасности высматриваете? Эх, наивные вы у меня еще, парни.

– Значит, не будет генералов? – не сдержавшись, пошутил Казанец.

– Будут, но позже. Не думали же вы, что вводную вам сам Юрий Владимирович читать будет?

Бойцы группы «Дон» смущенно отводили взгляды, понимая, как глупо выглядят. Старцев жестом указал на стулья.

– Судя по смущенным взглядам, я попал в точку, – прокомментировал он. – Садитесь, ребята, придется вам довольствоваться мной.

Все расселись вокруг стола, полковник занял место во главе его, положил руки на столешницу и обвел бойцов взглядом.

– Ладно, шутки в сторону. На самом деле вас вызвали сюда в полном составе не ради эксперимента. Дело, которым вам предстоит заняться, весьма серьезное, и отнестись к нему вы должны соответственно. Политическая ситуация требует от нас максимально быстрого реагирования, поэтому на совещании на высшем уровне был рассмотрен внушительный список кандидатов для выполнения операции. По ряду причин, которые я озвучу позже, ваша группа была выбрана единогласно, так что сами понимаете, какова степень ответственности.

– Шаг влево, шаг вправо, короче, – проворчал себе под нос Богданов, но полковник услышал его высказывание и нахмурился.

– Вас что-то не устраивает, товарищ подполковник? – Как всегда, когда Старцев начал язвить, его голос приобрел бархатные нотки. – Быть может, выскажете свое недовольство вслух? В кругу друзей, так сказать.

– Никак нет, товарищ полковник, меня все устраивает, – подтянулся Богданов. – Нам выпала честь, мы должны оправдать ожидания вышестоящего начальства, и все такое...

– Оправдать ожидания – это скромно сказано, товарищ подполковник. – Старцев сменил тон. – На самом деле на вас ложится огромная ответственность, равная разве что операции на Кубе. Ты ведь участвовал в ней, Богданов?

– Ого! Значит, снова американцы? – выпалил майор Дубко. – А я-то думал, китайцы опять нос задрали.

– Если бы китайцы, Саша. – Полковник перешел на неофициальное обращение, и бойцы поняли, что дальше разговор пойдет более непринужденно. – Все вы знаете, какой сегодня день, скольких трудов это стоило и какие перспективы он открывает, и все же небольшое отступление не повредит. Сегодня, в шестнадцать ноль-ноль в аэропорту Внуково приземлится самолет с президентом Соединенных Штатов Америки на борту. После пребывания президента Франклина Рузвельта на Ялтинской конференции в тысяча девятьсот сорок пятом году это первый в истории визит высшего американского руководителя в Советский Союз. Один этот факт уже является исторически важным, не считая того, с чем этот визит связан. Приезд президента Никсона в Москву стал возможен благодаря тому, что в сфере внешней политики начала этого десятилетия произошло радикальное изменение отношений между СССР и США. Изменения связаны с ослаблением напряженности между Востоком и Западом. Стабилизация взаимоотношений Советского Союза с другими социалистическими странами, которой добились дипломаты и руководство нашей страны в последние годы, заставила правительства западноевропейских государств пересмотреть свои позиции относительно СССР. Мы сумели вызвать их интерес к развитию экономического сотрудничества, что само по себе является большим прорывом.

– Разве улучшение взаимоотношений с США не связано со сложившимся ядерным паритетом наших стран? – задал вопрос Богданов.

– В определенной степени так и есть, но только частично, Слава, – подтвердил выводы подполковника Старцев. – Так или иначе совместные усилия дипломатических миссий Советского Союза и Соединенных Штатов привели к тому, что президент Ричард Никсон запланировал визит в Москву. Цель визита кому-то из присутствующих известна?

– В прессе писали о том, что руководители сверхдержав будут обсуждать возможности разработки политики сдерживания наращивания ядерного потенциала, – проговорил майор Дубко.

– Верно, Саша, так писали в прессе, и так оно и есть на самом деле. По плану в первый день приезда президента США в Москву должны быть подписаны два наиважнейших документа: о сокращении стратегических вооружений, в сокращении ОСВ, и об ограничении систем противоракетной обороны, в сокращении ПРО. Документ об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ) должен предусматривать отказ обеих сторон в течение пяти лет сооружать новые пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования и пусковые установки ракет, размещенных на подводных лодках. Договор ПРО должен предупредить гонку вооружений в области создания систем обороны против ракетно-ядерных ударов. Это ключевые документы, остальные: о сотрудничестве в области охраны окружающей среды, о сотрудничестве в области медицины и здравоохранения, о сотрудничестве в области науки и техники, соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях и многое другое, носят второстепенный, хотя и не менее важный, чем два первых документа, характер.

– Как я понимаю, подписанию этих документов может что-то помешать? Именно поэтому нас вызвали в Управление? – задал вопрос подполковник Богданов.

– Все верно, Слава, именно поэтому, – подтвердил Старцев.

– Но ведь президент Никсон прилетает уже сегодня, а подписание документов, если я правильно понял, должно произойти в первый день. Чем же мы можем помочь, если до встречи Никсона и Брежнева остались считанные часы?

– До этого мы еще дойдем. – После слов Богданова полковник Старцев невольно бросил взгляд на часы. – Времени у нас, разумеется, мало, но не настолько, чтобы даже не попытаться исправить ситуацию. А теперь о том, в чем заключается проблема. Каждый раз, когда страну посещают представители иностранных государств, наше правительство готовит встречу на высшем уровне, это вам известно. Но что именно входит в подготовку, никто из вас никогда не задумывался, верно?

– Догадаться несложно, – начал Дубко. – Встретить в аэропорту, доставить до места, организовать ужины-обеды, подготовить кабинеты для переговоров, а затем проводить высокопоставленных гостей.

– Правильно, но в промежутке между обедами и подписанием документов гостям нужно где-то спать, – заметил полковник Старцев. – В большинстве случаев гостей расселяют в соответствии с рангами и званиями, но бывают исключения. Если гость особо важен, ему предоставляются особые привилегии. На данный момент президент США для Советского Союза очень важен, вот почему было принято решение Ричарда Никсона с супругой, а также других членов делегации разместить не в гостинице, а непосредственно в Кремле.

– В Кремле наблюдать за чужаками удобнее, и охраны дополнительной не потребуется. Умно! – высказался Казанец.

– Думаю, данные соображения тоже учитывались, – кивнул Старцев. – Итак, было принято решение разместить гостей из Америки в Кремле. Для этого была вызвана бригада уборщиков, чтобы к приезду американской делегации привести апартаменты в надлежащий вид. Подготовка апартаментов проходит не за один день, на это время вспомогательному персоналу выдаются спецпропуска, по которым они попадают в нужные помещения. И вот сегодня в одном из помещений произошел инцидент: один из уборщиков совершил попытку подбросить в комнаты, предназначенные для размещения Ричарда Никсона, запечатанный пакет. Охрана Кремля попытку предотвратила, пакет был изъят, и в нем обнаружили материалы, компрометирующие советское руководство.

– Ого, ничего себе! И кто же этот отчаянный парень, который не побоялся пронести в Кремль компромат? – вырвалось у Дорохина.

– Хороший вопрос, – полковник перевел взгляд на Дорохина, – но не главный. А вот каков главный вопрос?

– Кто за ним стоит, – ответил за Дорохина подполковник Богданов. – Вот какой главный вопрос.

– Молодец, Богданов, потому ты и командир. – Старцев одобрительно кивнул. – Ответ на этот вопрос и предстоит вам выяснить.

– А почему не спросить об этом у того, кто принес в Кремль компромат? – снова задал вопрос Дорохин.

– И снова отличный вопрос, Дорохин. Мы бы так и сделали, только вот в чем проблема: человек этот отправился в мир иной, а с мертвого какой спрос?

– Вот это поворот! – вырвалось у Казанца. – На пороге Никсон, а в Кремле жмурик.

– Разговорчики, Казанец, – одернул подчиненного Богданов и бросил виноватый взгляд на полковника.

– Ничего, Слава, все в порядке, – махнул рукой Старцев. – У меня почти такая же реакция была.

– Ситуация действительно неприятная. – Дубко перевел внимание на себя, чтобы дать возможность Казанцу прийти в норму после казуса. – И как же это произошло? Охрана перестаралась?

– Если бы. – Старцев вздохнул. – Этот стервец ампулу с ядом проглотил. Как только понял, что засыпался, сразу в рот ее сунул, охрана даже отреагировать не успела.

– Тогда нужно начать отрабатывать его связи, – выдвинул предложение Богданов.

– С этого и начал начальник кремлевской охраны, – подтвердил Старцев. – С кем общался, с кем замечен, в чем замешан. Пожалуй, с этого и мы начнем. Вот что удалось выяснить: Трифонов Иван Степанович пятидесяти восьми лет являлся штатным слесарем-сантехником при Кремле вот уже двадцать шесть лет. Уверен, вы можете себе представить, какую проверку проходят те, кого допускают в Кремль, пусть и унитазы прочищать. Трифонов в этом вопросе не исключение, его родословную проверяли до седьмого колена, и везде он чист. Ни репрессированных, ни уголовных элементов в роду не обнаружено, сам до Кремля усердно трудился на сталелитейном заводе, до тех пор пока производственная травма не вынудила сменить сферу деятельности. Трифонов пошел в сантехники при областной администрации, а уж оттуда его кандидатуру рекомендовали в Кремль на место безвременно почившего бывшего сантехника. За время работы ни одного нарекания, ни одного пропуска-прогула и, разумеется, ни одной пьянки.

– Короче, со всех сторон положительный тип, – вклинился в речь Старцева подполковник Богданов. – До сегодняшнего дня. А раз так, нужно покопаться в недалеком прошлом. Когда Трифонов проходил проверку? Двадцать шесть лет назад? За это время многое могло измениться.

– Тех, кто работает в Кремле, проверяют не реже, чем раз в три года, – сказал полковник Старцев. – Последнюю проверку Трифонов проходил восемнадцать месяцев назад, и снова никаких нареканий, но двигаешься ты в правильном направлении, Богданов. После последней проверки в семье Трифопова кое-что изменилось. Пять месяцев назад его младший сын, будучи в нетрезвом состоянии, сбил двух пешеходов. Бабушка с внучкой переходили дорогу, а он выскочил на перекресток, не смог справиться с управлением, в результате чего и бабушка, и внучка скончались на месте. Теперь сыну Трифопова грозит серьезный срок. В данный момент он сидит в следственном изоляторе, адвокат изо всех сил старается выгородить подзащитного, но шансов его спасти никаких. Мы полагаем, что этим обстоятельством воспользовались недоброжелатели.

– Пообещали вытащить сына, если он подбросит компромат в апартаменты президента США? Но если это в их власти, значит, замешаны наши люди. Выходит, эта провокация со стороны русских против русских? – выдвинул предположение Дорохин.

– Не обязательно, но как вариант имеет место быть, – согласился Старцев.

– Почему не обязательно? – спросил Дорохин.

– Потому что человеку, который находится на грани отчаяния, пообещать можно все, что угодно, даже то, что выполнить не можешь. Он будет цепляться за соломинку и выполнять все твои требования до тех пор, пока не поймет, что все твои слова – всего лишь блеф.

– А если зайти с другой стороны? – выдвинул предложение Казанец. – Что представляет собой компромат? Не зная этого, полной картины не получишь, соответственно и план действий не сложится.

– Молодец, Казанец, правильно мыслишь. Что касается компрометирующих документов. – Старцев выдвинул верхний ящик стола и достал небольшой сверток. – Как видите, это не папка с документами, которую выкрали из кабинета.

– Это пленка? – удивленно протянул Казанец.

– Совершенно верно. Это аудиозапись разговора двух человек, но прежде чем назвать их имена, я должен снова вернуться к предыстории. Ранее я говорил, что одной из основных

целей визита президента Ричарда Никсона в Москву является подписание Договора ПРО, который предупреждает гонку вооружений в области создания систем обороны против ракетно-ядерных ударов. Теперь об этом более подробно: в договоре прописано, что каждой стороне будет разрешено создать по два комплекса «противоракет» и поставить под защиту два района вокруг столицы и два района в районе расположения шахтных пусковых установок баз мобильно-наземного базирования (МБР). При этом обе стороны обязуются не создавать общенациональные, покрывающие всю территорию страны системы ПРО и основы для их создания. Этим договором запрещается создавать, испытывать и развертывать системы или компоненты систем ПРО морского, воздушного, космического и мобильно-наземного базирования. Договор не будет иметь срока окончания, то есть будет бессрочным, и выйти из него можно лишь уведомив вторую сторону о выходе за шесть месяцев до дня предполагаемого выхода. Общая схема ясна?

– Так точно, товарищ полковник, – за всех ответил Богданов. – И мы, и американцы прекращаем все разработки по защите наших государств от ядерных ракетных атак.

– В точку, Богданов.

– Тогда в чем проблема? Если в верхах одобрили подобный договор, собираются его подписать, то кому это мешает? И каким образом в данной ситуации можно скомпрометировать Советский Союз?

– К этому я и веду, Слава. Все договоренности, которые я перечислил, должны вступить в действие только после подписания договора. До настоящего момента и в США, и в СССР работы в данном направлении продолжаются. И вот месяц назад с полигона Сай-Утес пришла информация о произошедшем прорыве в области разработки систем ПРО. Прорыв поистине большой, если верить выкладкам ученых. Руководитель исследовательского проекта Сай-Утес утверждает, что, продолжив разработки, он через три месяца максимум через полгода представит Министерству обороны готовую модель уникальной системы против ракетно-ядерных ударов, которая позволит с минимальными затратами покрыть почти половину территории РСФСР и части союзных республик от возможных ракетно-ядерных ударов противника.

– Ого! Вот это замахнулись! – вырвалось у Богданова.

– В том-то и проблема, что не замахнулись, а реально подошли к невиданной ранее перспективе. – Старцев вздохнул и, возвысив голос, эмоционально произнес: – Половина страны и союзных республик! Да нам бы никакая Америка стала нипочем!

– Да, паршивая ситуация, – проговорил майор Дубко. – И надо же было ей сложиться как раз перед приездом Никсона и перспективой подписания договора, который в принципе исключает возможность продолжения ведения работы по проекту.

– Вот-вот! Открыть сейчас миру информацию о том, что СССР на пороге грандиозного открытия, которое сделает страну практически неуязвимой, слишком рано. Отказаться от продолжения разработок – недальновидно. Продолжать работы после подписания договора – непорядочно. Вот и думай, как поступить. – Дорохин тяжело вздохнул, словно это ему предстояло сделать нелегкий выбор.

– Отказаться от разработок и подписать договор, – глядя на полковника, произнес Богданов. – Верно я говорю, товарищ полковник? Такое решение принял генеральный секретарь?

– Разумеется. Другого решения просто не могло быть, это же внешняя политика, Слава. Впервые в истории взаимоотношений СССР и США сложилась ситуация, при которой возможно примирение двух сверхдержав, и неужели товарищ Брежнев или кто-то другой на его месте откажется от такого шага?

– А как же уникальная разработка? – опешил прапорщик Казанец.

– Исследовательский проект на Сай-Утес заморожен на неопределенное время, – выдал полковник Старцев. – В данный момент все работы на нем прекращены. Впоследствии этот полигон будет переоснащен под другое направление.

– Это решение Леонида Ильича? – Глаза Казанца округлились еще больше.

– Да, прапорщик, это решение генерального секретаря и Президиума Верховного совета, – отрезал Старцев. – Мы его принимаем и переходим к обсуждению сложившейся проблемы.

– Полагаю, компромат содержит информацию относительно новой уникальной разработки? – догадался Богданов.

– Да. На пленке запись приватного разговора помощника первого заместителя председателя Совета министров товарища Рыбакова с руководителем исследовательского проекта полигона Сай-Утес товарищем Минеевым. В разговоре речь идет о том, как сохранить проект и после подписания соглашений между США и СССР. Причем по тексту не совсем ясно, является ли это решение решением лично Рыбакова и Минеева или же это директива сверху. Но в любом случае обнародование данной записи вызовет такой скандал, которого мировая общественность не видела многие десятилетия, а на отношениях с США можно будет поставить крест, что нашей стране совершенно невыгодно.

– Так что требуется от нас, и каким образом мы сможем исправить ситуацию за несколько часов? – Богданов перешел к более конкретным вопросам.

– Вам нужно выяснить, кто нанял Трифонова, – начал Старцев. – Выяснить, найти его и обезвредить. Все, как всегда. Эта пленка не должна всплыть в каком-то другом месте ни до подписания договоров, ни после.

– Что говорят Рыбаков и Минеев? – спросил Богданов. – С ними уже пообщались?

– Клянутся, что подобного разговора не было, но это ожидаемо. Кто же станет признаваться в подобном? Сейчас наши специалисты пытаются выяснить, является ли пленка оригиналом или это искусный монтаж, но на проверку уйдет время, а его у нас нет. Конечно, ни о каком подписании документов и речи быть не может до тех пор, пока мы не обнаружим врага, готового сорвать историческую встречу ради собственных интересов. Этим вы и займетесь.

– За несколько часов?.. Боюсь, задача невыполнима, – произнес Богданов.

– За несколько дней, – уточнил Старцев. – Сегодня на неофициальной встрече господину Никсону сообщат, что тексты договоров ОСВ и ПРО еще не до конца проработаны, поэтому их подписание откладывается. Работа американской делегации пойдет своим ходом, а вам за это время нужно выложиться по полной программе и найти провокатора. Крайний срок двадцать седьмого мая, дальше откладывать подписание документов мы не сможем. Задача ясна?

– Так точно, товарищ полковник, – хором ответили бойцы группы «Дон».

– Тогда переходим к деталям.

Старцев положил на стол папку с документами, и группа приступила к разработке предварительного плана действий. Когда спустя час в кабинете Старцева появился председатель КГБ Юрий Андропов, бойцам было что предложить его вниманию.

Глава 2

– Сокольский! Кто он вообще такой, этот Сокольский? Пустышка, ноль без палочки! И на него мы должны потратить первый день поисков!

Прапорщик Казанец ходил из угла в угол номера в гостинице, расположенной в двух кварталах от кремлевской площади, и брызгал слюной от возмущения. План, их стройный и логически выверенный план, на составление которого бойцы спецподразделения потратили целый час, был изменен до неузнаваемости «какими-то дилетантами», как красноречиво выразился прапорщик.

И ведь все же шло хорошо. Юрий Владимирович выслушал предложения бойцов, задал пару-тройку конкретных и дельных вопросов и уже собирался одобрить план без корректировок, но тут, как водится в таких случаях, младший помощник заместителя председателя КГБ решил внести свою лепту в общее дело. И как только он это сделал, высказал свое предложение по улучшению плана, за ним тут же потянулись остальные члены «свиты». Одно предложение еще можно было вынести, вставить в общий список и забыть про него, но такую лавину игнорировать стало просто невозможно. В итоге от первоначального плана спецназовцев не осталось практически ничего, а степень его продуктивности упала на порядок, что не могло не взбесить тех, кому данный план предстояло претворять в жизнь.

– Вот скажи мне, Коля, на кой ляд товарищ Андропов таскает за собой эту бестолковую толпу? Для солидности? Так он и так солиднее некуда. Для количества? На что оно ему, количество это? Дань моде? Черт, да уж лучше прослыть древним мамонтом, чем терпеть рядом с собой идиотов, которые тяжелее ручки ничего в руках не держали и дальше своего кабинета в жизни не выезжали.

– Да хватит уже тебе возмущаться, Казанец, – не выдержал старший лейтенант Дорохин. В комнате они были одни, и брюзжание товарища ему порядком надоело.

– Как не возмущаться, Коля? Как не возмущаться? Если бы не эти остолопы, мы бы сейчас делом занимались, а не в потолок плевали в ожидании новостей. Да и командиру с Дубко тоже не пришлось бы таскаться по злачным местам в поисках удачи.

– Успокойся, Юра, командир что сказал? Придется отработать каждую версию. Вот и отрабатывай.

– Я-то отработаю, только что они скажут, когда срок истечет, все их версии будут проверены, а провокатор так и останется непойманным и даже не определенным?

– Слушай, не можешь успокоиться, тогда хоть заткнись. – Дорохин сердито сверкнул глазами. – Твое нытье не дает сосредоточиться!

– Да на чем тебе сосредотачиваться? Ты у телефонного аппарата сидишь, звонка ждешь.

– Просто заткнись, ладно?

– Ладно, не кричи. – Казанец плюхнулся в кресло, закрыл глаза.

Злиться, правда, не перестал, вновь и вновь прокручивая в голове «бредовую», по его мнению, идею младшего помощника Андропова, предположившего, что провокацию могли организовать граждане СССР, недовольные правящим режимом, так называемые «диссиденты». Диссидентами, в переводе с латинского «несогласными», в СССР называли граждан, чьи политические взгляды шли вразрез с политическими взглядами коммунистической партии. Обычно диссиденты в СССР действовали небольшими группами: как когда-то коммунисты-подпольщики, они выпускали газеты и листовки, организовывали пикеты и акции протеста у административных и политически значимых зданий, но никогда не использовали в борьбе насильственные методы, благодаря чему власти относились к ним более-менее лояльно.

В официальных кругах диссидентов называли «антисоветчиками» за их стремление опровергнуть советские идеалы, при этом заявляя, что все, чего они хотят, это открыто высказы-

вать свои убеждения. Единой «диссидентской организации» или «диссидентской идеологии», объединяющей большую часть диссидентов, не существовало. И все же прослеживались два основных направления диссидентского противостояния советскому режиму. Первое из них ориентировалось на поддержку СССР извне, второе – на использование протестных настроений населения внутри страны. Деятельность некоторой части диссидентов, в основном московских правозащитников, строилась на апелляции к зарубежному общественному мнению, использовании западной прессы, неправительственных организаций, фондов, связей с политическими и государственными деятелями Запада. Вот на таких «несознательных» граждан и пало подозрение младшего помощника председателя КГБ, с чем прапорщик Казанец категорически отказывался соглашаться.

Остальным членам группы «Дон» идея не казалась бредовой. С конца шестидесятых в диссидентском мире начала формироваться особая группа, члены которой называли свою деятельность «правозащитным движением». Лидеры «правозащитного движения» пытались объединить вокруг себя разрозненные диссидентские группы в единое целое. Одним из самых известных лидеров движения был бывший военный Иван Сокольский. На Лубянке считали, что Сокольский лично связан с западными спецслужбами и помогает им вербовать советских граждан для работы на Запад. Саму диссидентскую деятельность Сокольского считали своего рода профессией. И эту деятельность щедро оплачивали из-за рубежа.

Материала на Сокольского в Управлении оказалось не так много: коренной москвич, единственный ребенок в семье потомственных военных, сам отслужил полный срок и ушел на пенсию около пяти лет назад. Вернувшись в Москву, на работу устраиваться не спешил, приобретал новых друзей, налаживал старые связи. Одним словом – присматривался. На заметку правоохранительных органов Москвы Сокольский попал два года назад, когда группа диссидентов под его руководством устроила в столице акцию, посвященную памяти ввода советских войск в Чехословакию. Акция протекала мирно, длилась не более часа и большого количества сочувствующих не набрала, но с того дня за Сокольским стали «присматривать». Тогда и выяснилось, что бывший военный не так чист, как хотелось бы.

Информации, которая могла пригодиться группе «Дон», оказалось и того меньше: адрес квартиры в Марьиной Роще, куда несколько лет назад переехала мать Сокольского, да имена-фамилии пары-тройки друзей детства, проживающих в Москве. О новых друзьях сведений оказалось еще меньше, и членам группы пришлось попотеть, прежде чем они вышли на его ближайшее окружение. Навестить мать доверили Дорохину. Он выяснил, что с матерью Сокольский практически не общается и искать его там бесполезно. Проверка друзей детства легла на Казанца. Со своей работой он справился за несколько часов, выяснив, что к новой деятельности Сокольского ни один из старых друзей отношения не имеет. Он, как и Дорохин, вернулся в гостиничный номер, забронированный для группы на время проведения операции, вместо привычного места сбора, базы в Подмоскowie, называвшейся «Объект Вятич». Руководством было решено город не покидать, чтобы сэкономить время.

Пока Дорохин и Казанец копались в прошлом Сокольского, командир группы «Дон» подполковник Богданов и его заместитель майор Дубко выясняли, «чем дышат» новые друзья бывшего вояки. По предварительной договоренности Богданов должен был выйти на связь почти час назад, и лейтенанта Дорохина беспокоила эта задержка. Казанец, вынужденный бездействовать, не находил себе места. Десять минут в кресле с закрытыми глазами и ртом показались ему вечностью. «Еще пару минут, и все, с меня хватит», – теряя терпение, мысленно проговорил Казанец, и в этот момент зазвонил телефон. Дорохин сорвал с аппарата трубку, быстро поднес ее к уху:

– Слушаю!

– Не ори, Дорохин, – услышал он в ответ недовольный голос подполковника Богданова. – Так и оглохнуть недолго.

– Прости, командир, не рассчитал, – извинился Дорохин и тут же спросил: – Ну, что там? Есть подвижки?

– Кое-что есть, – уклончиво ответил Богданов. – Сейчас вам с Казанцом нужно будет приехать на Курский вокзал. Там у кассы номер четыре вас будет ждать человек. Зовут его Анатолий Евлампиевич, он отведет вас куда нужно. Вопросы есть?

– Идти с арсеналом или порожняком?

– Взять все, что есть в наличии, – ответил Богданов.

– Жаркое местечко?

– Все узнаешь на месте, Юра. Собирайтесь, Анатолий Евлампиевич вас уже ждет. Запоминай приметы.

Дорохин пару минут слушал командира, затем положил трубку и перевел взгляд на Казанца.

– Все слышал?

– Все, кроме примет Евлампича, – небрежно произнес Казанец. – Насчет оружия слышал и думаю, что арсенал у нас не слишком богат, не разживешься.

– Два «макарова», две запасные обоймы, этого мало? В любом случае по столице со снайперкой или «калашом» не побегаешь, так что довольствуйся малым. Давай отрывай задницу от кресла, и погнали на Курский.

До Курского вокзала добрались без проблем, а вот на поиски Анатолия Евлампиевича убили почти полчаса. Ни у кассы номер четыре, ни у других кассовых окон человека, соответствующего приметам, выданным командиром, они не нашли. Подумав, решили разделиться: Казанец остался у кассы, а Дорохин пошел бродить по залам ожидания и перронам. Заходя на третий круг поисков, Дорохин костерил себя на чем свет стоит за то, что не догадался спросить, как держать связь в случае форс-мажорных обстоятельств. В конце концов, помог случай. Проходя мимо лестницы, ведущей на второй этаж к комнатам отдыха, Дорохин заметил там человека, а на его голове знакомую по описанию кепку. Кепка оказалась приметной, красной, с двумя контрастными полосами через козырек, да еще с проушинами, отделанными кожзамениателем. Дорохин притормозил, завернул под лестницу и толкнул человека в плечо.

– Эй, товарищ, вы, случаем, не Анатолий Евлампиевич? – спросил он мужчину.

Тот приоткрыл глаза, пьяненько улыбнулся и произнес, источая вокруг себя перегар:

– Здравствуйте, милчеловек. А я вас заждался.

– Вижу, что заждался. – Дорохин скривился и отвернулся в сторону. – И как тебя угораздило напиться?

– Да я пару стопочек всего, – виновато промямлил Анатолий Евлампиевич. – Мне ваш товарищ аванс выдал, а с авансом как не заглянуть в буфет? Тем более когда время убить надо.

– Ладно, поднимайся. Отдых закончился. – Дорохин помог мужчине подняться. – Теперь рассказывай, что ты нам передать должен.

– Ничего не должен передать. Отвезти должен. Расстояние приличное, но мы машину возьмем. У моего приятеля есть «Москвич», он нас на нем за пятерку как на самолете домчит.

– Друг твой тоже с зеленым змием на «ты»? – на всякий случай поинтересовался Дорохин.

– Не-е-е, Акимыч совсем не пьет. Ни глотка в рот не берет. Он на инвалидности, деньги экономит. Нас отвезет – лишнюю копеечку заработает.

– А куда поедет?

– Ваш товарищ не велел говорить. Сказал, доставь в целости и сохранности, и все.

– Уверен, что это он так сказал, а не ты туману нагоняешь?

– Обижаешь, милчеловек. Я свою работу знаю и лишнего на себя никогда не возьму.

– Ага, кроме лишней стопочки, – поддел Дорохин. – Ладно, пойдем к моему товарищу, по дороге расскажешь, какой у тебя план действий.

Они нашли прапорщика Казанца. Дорохин в двух словах объяснил ситуацию, и все трое направились к выходу из здания вокзала. По дороге Анатолий Евлампиевич заскочил в телефонную будку, пару минут с кем-то поговорил и вышел довольный.

– Айда за мной, товарищи, – пафосно произнес он. – Карета будет подана через десять минут.

Анатолий Евлампиевич не преувеличивал, ровно через десять минут к центральному входу Курского вокзала подъехал выдавший виды «Москвич». Из него вышел седой как лунь старик и, обращаясь к Анатолию Евлампиевичу, скрипучим голосом проговорил:

– Этих, что ль, везти нужно? – Произнеся фразу, он кивком указал на Казанца и Дорохина.

– Так точно, товарищ полковник, – подтянувшись, отпартовал Анатолий Евлампиевич. – Группа готова к отправке.

– Так загружайтесь, чего ворон считаете. – «Полковник» недовольно скривился. – Ох и народ пошел! В машину сесть и то быстро не могут.

Дорохин в недоумении смотрел на двух провожатых, не понимая, как их командир мог включить их в свою группу поддержки. Казанец невесело усмехнулся и прошептал на ухо Дорохину:

– Какое задание, такие и исполнители. Зуб даю, ничего путного мы с этого Сокольского не поймеем.

Седой старик сердито посмотрел на Казанца и прикрикнул:

– Будете шептаться, никуда вас не повезу!

– Послушайте, что происходит? Я уже и сам сомневаюсь, стоит ли мне с вами ехать, – произнес Дорохин. – Короче так: пока ваш друг не скажет, куда мы едем, мы в машину не сядем. И плевать мне на то, что велел ему наш товарищ!

– Так вы не знаете? – Старик прищурился. – Может, ваш товарищ вам не доверяет, потому и не велел говорить, куда мы должны вас доставить? Место это секретное, чем меньше людей о нем знает, тем дольше оно будет оставаться секретным.

– Старик, ты вроде из бывших военных, так? – начал Дорохин, но старик сердито его перебил, не дав договорить.

– Старик? Это я-то старик? Сколько, по-твоему, мне лет?

– Да уж немало, – ответил Дорохин. – Вон волосы какие седые, в пятьдесят так не поседешь.

– Сопляк, что бы ты понимал! Мне сорок два, – выдал старик. – А волосы? Так это результат моей верной службы нашему Отечеству. Когда тебе восемнадцать, а вокруг тебя целый батальон нехристей с автоматами и спрятаться нельзя да и некуда, не только поседешь, лысым станешь!

– И где же ты батальон нехристей с автоматами в сорок восьмом взял? Мы вроде в сорок восьмом ни с кем не воевали, – гнул свое Дорохин.

– Ты, может, и не воевал, а мне довелось, – проговорил старик скороговоркой, поняв, что с датами опростоволосился, и тут же перевел тему: – Так вы едете, или я обратно порожняком возвращаюсь?

Дорохин собирался снова возразить, но Казанец его опередил. Он молча прошел к машине и залез на заднее сиденье. Дорохину ничего не оставалось, как последовать его примеру. Довольный результатом переговоров, старик подмигнул Анатолию Евлампиевичу, сел за руль и произнес:

– Ну что, поехали, ребяташки! Покажу вам подмосковные катакомбы.

Ехали больше двух часов, по дороге почти не разговаривали, каждый думал о своем. Казанец мирно дремал, Дорохину же было не до сна. На всякий случай он решил запоминать дорогу, слишком уж своеобразных провожатых нашел в этот раз командир. «Почему

нельзя было просто сказать куда ехать? Зачем вся эта конспирация, полупьяные связные и трепачи-водители? – размышлял он. – И что командиру удалось выяснить про Сокольского? Для чего мы едем за город? Брать шайку диссидентов?» Ответов на вопросы у Дорохина не было, но мыслей от этого меньше не становилось.

Спустя два часа «Москвич» остановился у проселочной дороги, старик жестом указал на дверь и произнес:

– Прибыли, выгружайтесь, хлопцы.

– Папаша, а ты уверен, что нам сюда? – открыв глаза и осмотревшись, задал вопрос Казанец.

– Уверен, сынок. – В тон Казанцу произнес старик. – Выгружайтесь, у меня время на вес золота. Сейчас из Москвы голубей в Тверь повезу, а голубки, знаете ли, товар специфичный, с ним запаздывать нельзя.

– Да, все верно, мы на месте, – подтвердил слова старика Анатолий Евлампиевич. – Ну, почти на месте. Дальше пехом пойдем.

Дорохин и Казанец вышли, старик уехал, а Анатолий Евлампиевич, протрезвевший по дороге, приосанился и скомандовал:

– Сейчас идем до пролеска, дальше идите за мной след в след, тут, как в сорок третьем под Сталинградом, сплошные минные поля. Чуть оступишься, и хана.

– Ты чего мелешь, Евлампич? – не поверил ему Казанец. – Какие мины? На дворе семидесятые.

– Ну, не совсем мины, – примирительно проговорил Анатолий Евлампиевич, – но ловушек хватает. Те ребятки, на которых вы охотитесь, с некоторых пор немного умом тронулись. Везде им враги мерещатся. Перебрались из Москвы сюда, понаставили ловушек да еще пост охраны у своего логова на дерево посадили.

– А ты откуда все это знаешь?

– Так мы с Седым, это друг мой, который нас привез, раньше тоже в их группу входили, – объяснил Анатолий Евлампиевич. – А потом надоело нам, уж больно они чудные стали.

– Ага, турнули вас, – высказался Казанец. – Тебя за пьянку, а старика твоего за болтливость.

– Может, и так, все равно нам с ними больше не по пути. У нас идейные расхождения.

– Идейные? Это что же за расхождения? – спросил Дорохин.

– А вот такие расхождения: раньше они мирно с властями сосуществовали, пикеты устраивали, да все без драк, акции протеста и прочее, все почти легально. А теперь что? Теперь они решили, что пришло время брать в руки оружие. А куда это годится, чтобы против своих же оружие поднимать? А если мирные граждане под ружье попадут? Нет, нам с Седым такие дела не подходят!

– Оружие брать? И много у них оружия? – Дорохин весь обратился в слух.

– Хватает, – уклонился от прямого ответа Анатолий Евлампиевич и быстро сменил тему: – Ну что, идем или дальше ляды точить будем?

– Веди, – разрешил Дорохин.

Анатолий Евлампиевич вышел вперед и зашагал к пролеску. Дорохин и Казанец последовали за ним. Минут через двадцать углубились в лес, идти стало сложнее, но Анатолий Евлампиевич темп не снижал, шел уверенно, несмотря на то что траектория пути все время менялась по одному ему известной причине.

– Слушай, Колян, тебе не кажется, что он просто важности себе прибавляет, чтобы получить вознаграждение, а на самом деле тут никаких ловушек нет, – догнав товарища, вполголоса проговорил Казанец.

– Не думаю, – ответил Дорохин. – Березу кривую видишь? От нее метра три влево бери. Казанец посмотрел туда, куда указывал Дорохин, и присвистнул.

– Ого, да тут и правда к третьей мировой готовятся, – протянул он.

Чуть дальше березы на земле лежало поваленное дерево. Для обывателя ничего приметного в нем не было, но опыт Казанца подсказал ему, что поваленный ствол лишь отвлекающий элемент. Его положили на тропинке, чтобы путнику пришлось его обходить, и вот тут и будет ждать засада. Если встать у поваленного дерева справа или слева и поднять вверх голову, непременно там увидишь сеть, в которую при неосторожном движении попадет путник.

– Не мины, и то ладно, – выдал Казанец и зашагал дальше.

Они прошли с километр, когда Анатолий Евлампиевич остановился и поднял руку, останавливая остальных. С минуту он просто стоял и слушал, затем повернулся и приблизился к бойцам.

– Дальше здесь не пойдем, придется вернуться, – заявил он.

– Куда вернуться? Ты что, Евлампич, обалдел? – рассердился Дорохин. – Нам к своим надо, а ты нас назад хочешь вернуть.

– Нет тут уже твоих, – загадочно произнес Анатолий Евлампиевич.

– То есть как нет? В каком смысле? – опешил Дорохин.

– Да ты что напугался-то? Ничего с твоими друзьями не случилось. Просто они ушли. За моими бывшими товарищами ушли.

– Откуда ты все это знаешь? Говори немедленно и без своих секретных закидонов. У меня терпения больше не осталось, а когда такое происходит, я себя совсем контролировать перестаю, – насел на Анатолия Евлампиевича Дорохин.

– Не паникуй, приятель. – Анатолия Евлампиевича угрозы Дорохина не слишком напугали. – Смотри: пятьдесят метров впереди стоят две осины, между ними должна быть коричневая перемычка. Если она есть, значит, группа «Правозащитников» здесь, в своей сторожке. А если ее нет, то все они ушли.

– Куда ушли?

– В катакомбы.

– Что за бред! Какие катакомбы в Подмосковье. И на черта они вообще этим правозащитникам нужны?

– В Москве сейчас беспокойно, поговаривают, что, как в тридцать седьмом, всех несогласных забирать начнут. Ты не смейся, парень, такое уже случалось, и люди помнят. Кому охота отправляться на лесоповал, когда тебе тридцать – сорок лет? Вот и страхуются.

– Ерунда все это, никто никого на лесоповал не погонит, – вступил в разговор Казанец. – Да черт с ними, с арестами. Ты лучше скажи, где нам теперь наших друзей искать?

– А вот они.

Анатолий Евлампиевич указал рукой на северо-запад. Дорохин и Казанец повернули головы и увидели меж кустов подполковника Богданова и майора Дубко. Богданов призывно махнул рукой, одновременно приложив палец к губам, предупреждая, чтобы бойцы не шумели. Анатолий Евлампиевич первый выполнил требование Богданова. Он сменил направление движения и вскоре оказался около командира. Дорохин и Казанец, помня о ловушках, шли по его следам.

– Наконец! Что так долго? – проворчал Дубко. – Мы из-за вас крупную рыбу упустили, теперь придется с мелочовкой возиться.

– Как будто что-то от нас зависело, – оправдывался Дорохин. – Как нас привезли, как путь показали, так мы и шли.

– Не спорьте, времени и так мало, – оборвал их Богданов.

– Товарищ, мне бы обещанное получить, – просительно произнес Анатолий Евлампиевич. – С наличными сейчас туго.

Богданов сунул руку в карман, вытащил пять рублей, сунул провожатому в руку.

– Ну что, я пошел. – Анатолий Евлампиевич крепко зажал пятирублевку в кулаке. – Больше я вам не нужен?

– Куда пошел? А ловушки?

– Так вы назад другой дорогой пойдете, а там нет никаких ловушек, – заявил Анатолий Евлампиевич и снова обратился к командиру: – Пошел я, или как?

– Останься, – подумав, попросил Богданов. – Ты нам еще понадобишься.

– Остаться можно, но за отдельную плату, – выдал Анатолий Евлампиевич. – С наличкой сейчас туго.

– Да понял я, понял, – отмахнулся Богданов. – Будет тебе наличка. Трешница гарантированно, если просто останешься, остальное – в зависимости от сложности работы. Идет?

– Идет. – Анатолий Евлампиевич просиял, не каждый день такой калым подворачивался. – Так что у нас по плану?

– У тебя по плану отойти в сторонку, заткнуться и не мешать, – заявил Богданов. – А у нас своя работа.

Анатолий Евлампиевич мгновенно ретировался. Богданов собрал бойцов спецподразделения в круг и в нескольких словах обрисовал ситуацию для Дорохина и Казанца. Через новых друзей из патриотического клуба «Верные сыны» Богданову и Дубко удалось выяснить, где находится место сбора группы диссидентов под руководством Сокольского. Расположились люди Сокольского в двухэтажном особняке в Крылатском. Особняк принадлежал гражданке Морозовой, женщине ничем не примечательной, кроме своей родословной. Происходила гражданка Морозова из дворянского рода Морозовых-Губаревых, о котором в современной Москве никто уже не помнил. Свой особняк гражданка Морозова добровольно отдала под нужды «Правозащитников» Сокольского, так как была женщиной одинокой и, по словам друзей Сокольского, питала страсть к бунтарям.

Посоветовавшись, решили нагрянуть в особняк Морозовой вдвоем, не вызывая подкрепления. Надеялись на фактор внезапности, да просчитались. Видимо, в последнее время на людей Сокольского не в первый раз устраивали облаву, поэтому фактор внезапности не сработал. В особняке находились всего пять человек, включая гражданку Морозову, и первым из дома ушел Сокольский. Не успел Богданов договорить первую фразу, а Сокольский уже выскочил через подвальный ход, сел в машину и умчал в неизвестном направлении. Оставшиеся товарищи Сокольского, включая гражданку Морозову, о делах Сокольского говорить не желали и новое местонахождение его выдать отказались. Больше полутора часов подполковник Богданов и майор Дубко потратили на то, чтобы разговорить людей в особняке Морозовой, но так ничего и не добившись, ушли.

А вот на улице им повезло: как только они повернули за угол и их стало не видно из окон особняка, тут и подкатил к ним Анатолий Евлампиевич со своим предложением. Еще месяц назад Анатолий Евлампиевич и его приятель Седой принадлежали к числу приверженцев защиты прав обездоленных, но по этическим соображениям из группы ушли. Не добровольно, правда, но это уже другая история. Обиды на Сокольского за то, что его выгнали, Анатолий Евлампиевич не испытывал, обратно в группу не рвался. Приходил к особняку больше по привычке, а сдать местоположение Сокольского его вынудило жуткое похмелье и потребность в деньгах. Так Богданов заполучил сомнительного сообщника в борьбе против диссидентской группы «Правозащитники».

Анатолий Евлампиевич сразу предупредил, что работает только за наличку, вызвал друга на «Москвиче» и отвез подполковника Богданова и майора Дубко в пригородную зону, где, по его словам, находилась новая база диссидентов. Базой пользовались относительно недавно, не более двух-трех месяцев, обустроили ее в заброшенном доме неподалеку от деревушки Алехново. Почему здесь? Да кто их знает. Видимо, так они себе представляли выражение «уйти в подполье». Установив у дома в Алехново наблюдение, подполковник Богданов отправил Ана-

толия Евлампиевича за Дорохиным и Казанцом, позвонив им из ближайшей деревни. Но за то время, пока Анатолий Евлампиевич загорал на Курском вокзале и ездил туда-обратно, в доме «Правозащитников» что-то произошло, из-за чего почти две трети людей, которые к полудню находились в доме, собрались и спешно уехали. Естественно, узнать, куда именно они направляются, ни Богданов, ни Дубко не смогли.

– Вот такой расклад на настоящий момент. Теперь, когда все в сборе, нужно брать шатию-братию и выколачивать из них правду, – попытожил Богданов. – Самого Сокольского в доме мы вряд ли застанем, слишком он осторожный, но из тех, кто там остался, наверняка найдется человек, который сможет подсказать местоположение предводителя.

– В катакомбах? – задал вопрос Казанец.

– В каких катакомбах? – не понял подполковник.

– Провожатый наш про катакомбы говорил. Сказал, что из сторожки все ушли в катакомбы, раз какой-то там перемины между деревьями нет.

– Слушай его больше. Евлампич – трепло. Мелет что попало, так что его слова на четыре делить нужно, прежде чем к сведению принимать. Никаких катакомб нет, а сторожка – это дом лесника, стоит в ста пятидесяти метрах южнее. Найти его сложно, поэтому Евлампич и понадобился, чтобы нам с Дубко не разделяться и наблюдать за домом в ожидании вашего приезда.

– И ловушек нет? – Казанец нахмурился.

– Ловушки есть, только они не на людей, а на зверя. Лесник местный промышляет.

– Значит, будем брать дом штурмом? – спросил Дорохин.

– Что-то вроде того, – подтвердил Богданов. – Но для верности «тройного коня» им отправим.

– Евлампича? Хорошая мысль, – одобрил Дубко. – Пусть деньги отрабатывает.

– Так и поступим. Подойдем к дому, рассредоточимся по четырем направлениям, зашлем Евлампича, а когда ему откроют, ворвемся в дом. Дальше будем действовать по обстоятельствам.

– Оружие применяем? – задал вопрос Казанец.

– Только в случае крайней необходимости.

– Это значит, только самооборона. – Казанец кивнул. – Ну что, двинулись?

– Евлампича подготовить нужно, – остановил товарища Богданов.

Он отошел в сторону и подозвал к себе Анатолия Евлампиевича. Переговорил с ним пару минут, договариваясь об оплате, затем вернулся.

– Все в порядке, выдвигаемся.

Пройдя сто пятьдесят метров, они увидели небольшой деревянный сруб, огороженный по периметру частокотом. По приказу командира Казанец, укрываясь за деревьями, обошел дом. Вернулся через десять минут.

– Докладываю: у входной двери сидит пес, он на цепи. Два окна на северной стене открыты настежь, второго входа нет, есть чердачное окно, выходит на южную сторону.

– Каковы шансы подобраться незаметно? – спросил командир.

– Можно подобраться к открытым окнам. Чердачное окно закрыто, лестницы нет, его только на контроль взять, чтобы те, кто внутри, не расползлись, как тараканы. Дверь под вопросом.

– Это как раз не проблема, мы ведь Евлампича первым запускаем. Собака забрешет, кто-то выйдет и узнает Евлампича. Пока с ним разбираются, нам нужно добраться до дома.

– Думаешь, они его впустят? – задал вопрос Дорохин.

– Нам и не нужно, чтобы пустили, нам нужно, чтобы дверь открыли, а Евлампич время потянет, пока остальные к штурму готовятся, – объяснил Богданов.

– А если не откроют, если скажут, уходи Евлампич, нечего тебе здесь делать? – подал голос Анатолий Евлампиевич.

– А ты им историю расскажи, да такую, чтобы точно открыли. Ты же у нас мастак сказки сочинять, – подсказал Богданов.

– Сказки хорошо рассказывать, когда ничего не грозит, – начал Анатолий Евлампиевич, но Богданов его остановил.

– Хватит лясы точить. Хочешь трешницу или нет?

– Хочу.

– Тогда иди и помни, что от твоей игры зависит твое благосостояние, – отрезал Богданов и повернулся к бойцам группы «Дон». – Слушай команду: Казанец, Дубко – к окнам на северную сторону, Дорохин – страхуешь чердачное окно и отслеживаешь периметр. Я к входной двери. Действуем по сигналу выстрел в воздух. Евлампич, начинаешь двигаться только после того, как я дам сигнал. Все готовы? Пошли, парни.

Бойцы разошлись на исходные позиции, Богданов придержал Анатолия Евлампиевича, затем короткими перебежками приблизился к линии, где заканчивались деревья и начиналась просека, ведущая к дому. Там осмотрелся, ничего подозрительного не заметил и подозвал Анатолия Евлампиевича.

– Давай, Евлампич, твой выход.

– Страшновато мне, – признался тот. – Я слышал, вы своим ребятам стрелять разрешили. Вдруг я под шальную пулю попаду? И это за трешницу...

– Ладно, будет тебе пятерка, – уступил Богданов. – За пятерку пойдешь под шальную пулю?

– Да, может, и стрелять никто не будет, – улыбнулся Анатолий Евлампиевич и зашагал к дому.

Как только он оказался на расстоянии десяти метров от крыльца, спящий до того пес поднял голову, лениво проследил за Евлампичем и снова опустил голову.

– Вот те раз, – вполголоса проговорил Богданов, наблюдавший за картиной. – Пес-то, похоже, для реквизита здесь лежит.

А Анатолий Евлампиевич продолжал движение. Он поднялся на крыльцо, протянул кулак к двери, и тут пес залаял. Громко, неистово, с надрывом. Анатолий Евлампиевич от страха подпрыгнул. Богданов и тот от неожиданности вздрогнули.

– Эй, псина, чего сволочишься? Своих не признаешь? – справившись с испугом, закричал Анатолий Евлампиевич. – Закрой пасть, пока не получила!

На звуки голоса из дома вышел мужчина лет сорока, с короткой стрижкой и накачанными бицепсами. Он оглядел Анатолия Евлампиевича и пробасил:

– Кто такой? Чего надо?

– А ты кто такой? – нагло задрал подбородок, выдал Анатолий Евлампиевич.

– Борзой, что ли? – Мужчина угрожающе сдвинул брови.

– Слушай, ты из новеньких? Сразу видно, не научили тебя дисциплине, – продолжал наглеть Анатолий Евлампиевич. – Посторонись, у меня к Сокольскому разговор деловой. Срочный!

– Ты кто такой? – повторил вопрос мужчина, загораживая проход в дом. – Может, тебе в репу дать?

– Посторонись, говорю, а то придется перед Сокольским объясняться, почему ты его гонца с важным известием не пропустил.

Анатолий Евлампиевич зло смотрел на мужчину с бицепсами, и тот, несмотря на явный перевес силы, стушевался. В дом Анатолия Евлампиевича он не пропустил, но и выгонять не стал.

– Жди здесь, старшему доложу, – произнес он и скрылся за дверью.

В этот момент Богданов метнулся к входной двери, толкнул ее и одновременно с этим выстрелил из пистолета в воздух. В лесу выстрел подхватило эхо, размножив на сотни голосов. Анатолий Евлампиевич сорвался с места и помчался в лес. Бойцы «Дона», наоборот, рванули к окнам. Выстрел и внезапное появление в доме незнакомца с оружием застало хозяев врасплох. Даже мужчина с накачанными бицепсами растерялся и так и остался стоять в проеме между сенями и комнатой. В самой комнате оказалось восемь человек разного возраста, все они сидели за столом и испуганно смотрели на людей с оружием.

– Здравствуйте, граждане диссиденты, – с издевкой поздоровался Богданов. – Или вас лучше называть господа?

– Кто вы такие? Что здесь происходит? – подал голос мужчина пятидесяти пяти – шестидесяти лет, интеллигентного вида, с бородкой и проплешинами в волосах.

– Кто мы – не столь важно, – произнес в ответ Богданов. – А вот с какой целью здесь собрались вы, вопрос весьма актуальный.

Богданов подал знак, и Казанец с Дубко влезли в окна, встали за спинами присутствующих в комнате, при этом продемонстрировав им оружие.

– Юра, пройдишь по карманам, – попросил Богданов. – Посмотри, что наши правозащитники там прячут.

У правозащитников оружия не оказалось, только листовки с порочащим советскую власть текстом. Изучив листовку, Богданов покачал головой.

– Ай, ай, ай, как нехорошо. Советская власть дала вам свободу, возможность зарабатывать себе на жизнь, учиться, жениться, растить детей, не опасаясь, что какой-то барин или граф отберет их за пару мешков пшеницы. А вы что творите? Сидите здесь, вынашиваете мерзкие планы, страну нашу в невыгодном свете перед мировой общественностью выставляете. Позор! И кто только вас надоумил заниматься такими гадостями? – В голосе Богданова звучала издевка. – Постойте! Я ведь знаю, кто он! Гражданин Сокольский, верно?

Богданов остановился, обвел группу взглядом, затем продолжил:

– И кто же из вас, граждане несогласные, является гражданином Сокольским? – Богданов давно понял, что бывшего военного среди присутствующих нет, но ему хотелось выяснить, насколько он может доверять словам его соратников. – Так кто же? Быть может, вы, гражданин?

Богданов остановился напротив мужчины, который первым задал вопрос при появлении бойцов. Тот потупился, но промолчал. Тогда подполковник перешел к следующему, худощавому парнишке, на вид не более двадцати пяти лет от роду.

– Возможно, это вы являетесь гражданином Сокольским? По приметам вроде все сходится.

– По каким приметам? – всполошился молодой человек. – У вас вообще чьи приметы-то?

– Не важно. Вы мне нравитесь в роли Сокольского. Пройдемте, молодой человек, поговорим. – Богданов потянул парня за рукав.

– Оставьте меня, – закричал тот. – Никакой я не Сокольский. Меня зовут Николай Зубарев, я являюсь студентом юридического института, прописан в Москве и к вашему Сокольскому не имею никакого отношения.

– Откуда мне знать, что ты не врешь? – продолжал наседать Богданов.

– У меня паспорт с собой, – выкрикнул парень и потянулся к внутреннему карману куртки.

– Руки! – прикрикнул Казанец, срываясь с места и хватая парня за запястье.

Парень побелел от испуга, опустился на стул и замер. Богданову стало жалко парня, и он переключил свое внимание на других членов группы «Правозащитники».

– Я так понимаю, гражданина Сокольского среди вас нет, – утвердительно проговорил он. – Что ж, тогда назревает другой вопрос: где он?

– Товарищи, быть может, вы все же объясните, в чем мы виноваты? – Вопрос снова задал мужчина интеллигентного вида.

– Как ваше имя, папаша? – Богданов перевел взгляд на интеллигента.

– Станислав Юрьевич, – представился мужчина.

– Фамилия у вас есть, Станислав Юрьевич?

– Домбровский, – нехотя произнес тот.

– Так вот, гражданин Домбровский, объясняю исключительно для вас: кто мы, не имеет значения, а вот что нас сюда привело, это уже интереснее. А привело нас сюда желание пообщаться с лидером вашей шайки-лейки, гражданином Сокольским. Но раз уж его здесь нет, сойдете и вы, гражданин Домбровский. Пройдемте, подышим воздухом.

Богданов дулом пистолета указал Домбровскому на дверь. Тот нехотя встал и направился к выходу. Богданов последовал за ним, взглядом приказав Казанцу и Дубко следить за остальными. Как только Домбровский оказался вне пределов видимости для своих товарищей, его поведение изменилось. Он повернулся к подполковнику и заискивающим тоном произнес:

– Послушайте, товарищ, здесь явно произошло недоразумение. С группой лиц, находящихся в доме, я знаком всего несколько дней. Они не говорили, что занимаются чем-то противозаконным, в этот дом меня пригласили как эксперта по ценным бумагам, не более того. Те листовки, что вы обнаружили в доме, я о них не знал, честно! Я никогда не был против нашей власти, и жизнь в Советском Союзе меня более чем устраивает.

– Где Сокольский? – пропустив мимо ушей тираду Домбровского, задал вопрос Богданов.

– Я не знаю, честно! Говорю же, я здесь новенький. Можно сказать, меня наняли для определенной работы, и все. Сделаю свою работу и расстанусь с ними, так я думал. – Домбровский умоляюще смотрел на Богданова. – Поверьте, товарищ, я для вас никакого интереса не представляю.

– А кто представляет? Тот пацан, который при виде пистолета в штаны готов наложить?

– Он? Вряд ли, насколько я могу судить, он тоже из приглашенных. Он должен был прояснить для группы какие-то юридические нюансы. Проверить документы или петиции, что ли, я не совсем понял.

– Выходит, в доме собрались одни новички?

– Так вышло. – Домбровский покосился на входную дверь, понизил голос и продолжил: – Если бы вы пришли на полчаса раньше, то застали в доме всех, кого желали видеть.

– Сокольский был здесь?

– Да, он был здесь. Он и еще один человек, кроме их свиты, конечно. Кроме тех двоих, здесь ни один не стоит вашего внимания. Шушера, массовка, не более того.

– Ближе к делу, – поторопил Богданов.

– Так вот, Сокольский и еще один человек, они обсуждали какие-то дела. Не вместе со всеми, а в чердачном помещении. Говорили тихо, так что сути разговора я не знаю. Думаю, о чем-то договаривались. Видимо, не договорились, потому что вначале их голоса, доносящиеся с чердачного помещения, стали раздраженными, затем тон повысился до крика, а потом тот, второй, скатился с лестницы, встал, громко выругался, пригрозил всем расправой и выскочил из дома. За ним понеслась свита в количестве шести человек. Затем из комнаты на чердаке спустился Сокольский, велел Савелию решить вопросы самостоятельно, что-то приказал охраннику, забрал с собой четверых и ушел.

– Теперь по порядку: кто тот мужчина, с которым общался Сокольский?

– Не знаю. Он называл его Виктор и еще доктором.

– Он врач? – удивился Богданов.

– Не совсем. Думаю, он доктор каких-то наук. Скорее всего, международное право, так мне показалось.

– Почему вы так решили?

– У международных специфические обороты речи, которые они вставляют даже в обычный разговор. Привычка, – пояснил Домбровский. – Вот и у Виктора такая привычка.

– Как думаете, кем он может работать? – спросил Богданов.

– Скорее всего, преподает в институте, но раньше наверняка служил в консульстве или посольстве.

– Даже так? А это вы откуда узнали?

– Манера поведения выдает в нем человека, который всегда подтянут, будто на него навешена видеокамера. Так ведут себя только консулы и послы. И неудивительно, на них ведь представители зарубежья смотрят.

– Ладно, с этим вопросом разобрались. Второй вопрос: о чем они спорили?

– Я же уже говорил, что не слышал.

– И то, что они кричали друг другу в пылу ссоры? Сомневаюсь.

– Слышал, но не думаю, что вам это поможет.

– Поможет или не поможет, мне решать. Рассказывайте.

– Виктор кричал, что так серьезные люди не делают, что предложение Сокольского неприемлемо. Еще кричал, что тот должен отказаться от своей затеи, потому что этим он подведет всех под уголовную статью.

– Уже интереснее, – оживился Богданов. – Что отвечал Сокольский?

– Почти ничего. Твердил одно и то же: либо будет так, как предлагает он, либо он найдет себе нового партнера.

– И больше ничего?

– Больше ничего.

– Кто такой Савелий, которому Сокольский приказал решать все самому?

– Это высокий брюнет. Сидит крайним у двери, что-то вроде правой руки Сокольского, только мелковатого пошиба.

– Что это значит?

– Да ничего он решить не может. Совсем ничего. Зачем его Сокольский оставил за главного, непонятно. Пока вы не появились, мы сидели за столом и решали, кому начинать и с чего начинать. Тягомотину он разводил.

– Ясно. Еще что-то хотите добавить прежде, чем мы вернемся в дом?

– Хочу! Хочу попросить вашего позволения не возвращаться в дом. – Тон Домбровского снова стал заискивающим. – Поймите, мне с ними не по пути, так зачем туда возвращаться? Если бы я раньше знал, что они против власти, ни за какие деньги не согласился бы сюда приехать.

– Кстати, на чем вы приехали? Где транспорт?

– Чуть дальше, если пройти по просеке на север, проходит шоссейная дорога. Вполне приличная дорога, надо сказать. Там на съезде с трассы мы все и оставили машины.

– Много машин?

– Когда я приехал, было две. После меня приехали трое, так что минимум плюс еще одна машина.

– Хорошо, я позволю вам не возвращаться в дом, – подумав, произнес Богданов. – Но взамен вы оставите мне вашу машину.

– Машину? Но... А... Я... – Домбровский растерянно моргал, понимая, насколько сложный перед ним стоит выбор.

– Что ж, видимо, сделки не будет. Пройдемте в дом. – Богданов протянул руку, подхватывая Домбровского под локоть.

– Постойте! Хорошо, я согласен. Забирайте машину. Белая «Волга» номерной знак ноль восемь, ноль пять, САМ. Документы в бардачке, – решившись, выдал Домбровский.

– Отлично. Ждите здесь, потом разберемся, что с вами делать, – произнес Богданов. Он подозвал к себе Дорохина, который контролировал периметр, сдал ему с рук на руки гражданина Домбровского, а сам пошел в дом. Ему предстояло провести еще не один разговор, чтобы выяснить, где скрывается Сокольский и какие пакости он замышляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.